

Медведь и Лиса

Жил в дремучем лесу медведь-богатырь, Михайло Потапыч. Был он хозяином домовитым и запасливым. И затаил он в своём тёплом тереме, под самой крышей, самое большое своё сокровище — дубовую кадучку, полную до краёв янтарного, душистого мёда.

Но нет в лесу секрета от Лисы Патрикеевны, плутовки изворотливой. Прослышала она про медвежью кладовую, и тут же в голове её, хитрой, план созрел. Как бы ей до лакомства добраться?

Примчалась Лиса к медвежьей избе, присела под окошком, да таким жалобным голосом завела:

— Ой, кум милый, Михайло Потапыч! Не знаешь ты моей кручины горькой! Избёнка моя развалилась, уголки провалились, печь не топилась — холодно и голодно мне. Пусти переночевать, согреться хоть на твоей печи-кормилице!

Медведь, сердцем мягкий, впустил куму.

Улеглись они на тёплой лежанке. Лежит медведь, посапывает, а лиса ворочается, хвостом пушистым по стенке: тук-тук, тук-тук. Думает, как бы на чердак проскользнуть.

Вот заснул Михайло крепким сном, а Лиса — тук-тук хвостом громче прежнего!

— Кум, а кум? — пробудил её стук медведя. — Что за шум?

— Ах, это за мной, куманек, гости пришли! На повой звать, на праздник именинный! — бойко соврала Лиса.

— Ну, ступай, коли зовут, — буркнул сонный медведь.

Выскользнула плутовка, вмиг взобралась на чердак, припала к кадучке и съела мёду с самый верх. Вернулась, прилегла.

— А как звать-то новорождённого стали? — спросил медведь.

— Починочком, — выдохнула сладко Лиса.

— Имя славное! — сказал медведь и снова захрапел.

На вторую ночь — та же песня. Стучит лисьим хвостом, будто в дверь стучатся:

— Опять зовут, кум! Не могу не пойти!

— Ступай, ступай, — разрешил медведь.

На сей раз Лисица половину всего мёда в кадучке подъела. Имя выдумала

Половиночка. И это имя пришлось медведю по нраву.

На третью ночь нетерпение Лисы стало вовсе уж бесстыдным.

— Кум, да я мигом! — пообещала она, едва заслышав привычный «стук».

И мигом съела мёд подчистую, до донышка, выскребла лапкой. Вернулась, а медведь уже встал, блины собирается печь.

— Ну, как нарекли? — спросил он.

— **Поскрёбышком**, — ответила Лиса, облизываясь.

— И это имя чудесно! — обрадовался медведь. — Ну, а теперь за блины!

Принялись они за дело. И спрашивает Лиса, глазками хитро поблёскивая:

— А мёд-то, куманек, для прикуски где? Не мешает сладкое к блинам!

— Да на чердаке, в кадучке! — сказал медведь и полез за угощением.

Поднялся, а кадучка-то пуста, сияет вымытым дном!

— Кто это съел? Да это ты, кума! Больше некому! — зарычал медведь.

— Я? — всплеснула лапками Лиса. — Да я и в глаза твоего мёда не видала! Это ты, кум, сам втихомолку всё прикончил, да на меня грех взваливаешь!

Задумался медведь, поскрёб за ухом. Как правду найти?

— Знаю! — молвил он. — Давай испытаем солнышком. Кто мёд съел, у того он в животе от жары растопится и наружу проступит. Ляжем на солнцепёке!

Легли. Скоро медведь от дремоты уснул. А лиса, не спящая, видит — у неё-то самой на брюхе медовая капля проступает! Недолго думая, подкралась она к куму и размазала липкую каплю по его широкой животине.

— Кум, а кум! Да проснись! — затрещала она. — Гляди-ка, что у тебя! Вот кто мёд-то съел!

Проснулся медведь, увидел пятно — и сробел. Делать нечего, повинился, хоть и не помнил за собой вины. А хитрая Лиса, довольная, унеслась в лес, посмеиваясь над простофилей.